

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

М.М. БЕНЦИАНОВ

«КНЯЗЬЯ, БОЯРЕ И ДЕТИ БОЯРСКИЕ»

Система служебных отношений
в Московском государстве
в XV—XVI вв.

Новейшие исследования по истории России

Михаил Бенцианов

**«Князья, бояре и дети
боярские». Система служебных
отношений в Московском
государстве в XV–XVI вв.**

«Центрполиграф»

2019

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)43-68

Бенцианов М. М.

«Князья, бояре и дети боярские». Система служебных отношений в Московском государстве в XV–XVI вв. / М. М. Бенцианов — «Центрполиграф», 2019 — (Новейшие исследования по истории России)

ISBN 978-5-227-08539-9

В монографии рассматривается становление и развитие системы служебных отношений в Русском государстве XV–XVI веков, показан процесс постепенного формирования наиболее значимых институтов, определивших характер взаимоотношений государственной власти с массами служилых людей. Важнейшими из них были распространение обязательной службы, создание Государева двора, широкие поместные раздачи, введение окладов, а затем и появление служилых «городов». Особенностью исследования является комплексный подход, позволяющий оценить многообразие факторов, влиявших на принятие тех или иных решений, а также проследить их последствия, как для центрального правительства, так и для самих служилых людей, в длительной перспективе. Книга рассчитана на историков и читателей, интересующихся вопросами становления и развития отечественной государственности.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)43-68

ISBN 978-5-227-08539-9

© Бенцианов М. М., 2019

© Центрполиграф, 2019

Содержание

Введение	7
Глава 1. У истоков службы	11
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Михаил Бенцианов
«Князья, бояре и дети боярские».
Система служебных отношений в
Московском государстве в XV–XVI вв.

© Бенцианов М.М., 2019

© «Центрполиграф», 2019

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2019

Введение

Стремительная экспансия и расширение границ Московского государства в последние десятилетия XV в. стали полной неожиданностью для его соседей. На этой волне было успешно осуществлено присоединение Новгородской республики, Тверского княжества, Вятской земли, а также захвачены значительные массивы земель, принадлежавших прежде Великому княжеству Литовскому. В первые десятилетия XVI в. наступательное движение было продолжено аннексией Псковской земли, Рязанского княжества и, в качестве заключительного аккорда, взятием Смоленска, которые обозначили с незначительными изменениями западные рубежи России на несколько последующих столетий. Что более важно, присоединенные обширные территории в дальнейшем прочно вошли в состав государства, потеряв в течение времени характерные для них ранее особенности политического и социального положения.

Весь этот насыщенный территориальными присоединениями отрезок времени занял менее четырех десятилетий и был тем более удивителен на фоне нескольких предшествующих столетий, когда границы Северо-Восточной Руси – великого княжества Владимирского оставались в значительной степени стабильными и неизменными.

В основе наступательного «спурта» лежало коренное переустройство действующих моделей устройства государственного механизма, выработка новых ориентиров социальной политики. В первую очередь изменения затронули систему организации службы, которая стала со временем определяющим элементом, под который подстраивались другие социальные институты.

Уникальность ситуации заключалась в том, что рассматриваемый промежуток «больших реформ», включающий и активизацию экспансионистских планов московского правительства, начался в период затишья на внешних рубежах страны. Ориентировочной точкой отсчета для него стали крупномасштабные поместные раздачи в Новгородской земле 1480–1490-х гг., во время которых более 2000 детей боярских были перемещены на новозавоеванную территорию.

Правление Ивана III характеризуется значительным ослаблением татарской угрозы. После казанских походов конца 1460-х гг., инициатором которых выступала московская сторона, а затем и успешного водворения на престол в 1487 г. московского ставленника Мухаммеда-Амина это направление военных действий не требовало приложения значительных усилий. Достаточно спокойно складывалась в это время и ситуация в «Поле». Если не считать нападения «казаков» (1468 г. – разорение волости Беспута и 1492 г. – вылазка на волость Вошань), то всего удастся насчитать несколько крупных операций. В 1472 и в 1480 гг. русской армии противостояли силы хана Большой Орды Ахмата. В обоих случаях дело так и не дошло до масштабных столкновений. После бесславного ухода с берегов Угры Ахмат был убит. Вплоть до начала 1490-х гг. татарские отряды не беспокоили земли Московского государства. В 1491 г. русские полки вместе с отрядами союзных казанцев были выдвинуты в «Поле» в помощь крымскому хану Менгли-Гирею для отражения удара сыновей Ахмата. В этом случае также обошлось без кровопролития: «Сила великого князя возвратися восвоеяси без брани».

Не преуменьшая значения этого «фронта», где при неблагоприятном стечении обстоятельств события могли развиваться совсем в другом направлении, стоит констатировать, что здесь не возникало значимых предпосылок для наращивания оборонных мощностей. Немногочисленные для этого времени, не в пример последующим десятилетиям, татарские набеги могли отражаться силами местных ополчений.

Ко второй половине XV в. сошла на нет экспансия со стороны Великого княжества Литовского, которое не смогло даже извлечь сколько-нибудь серьезных дивидендов из затянувшейся междоусобной войны на территории своего восточного соседа. Обосновавшиеся там удельные князья московского дома не проявляли значительной активности, а заключавши-

еся между ними соглашения (договор между Иванами Можайским и Серпуховско-Боровским) о совместных действиях по возвращению отобранных земель имели скорее декларативный характер.

После смерти великого князя Бориса Александровича закончился золотой век Тверского княжества. Иван III был женат на его дочери, что впоследствии сыграло свою роль в утверждении здесь московского влияния. Новый тверской князь Михаил не отличался энергичностью и заслужил нелестную оценку современников «играл в дуду, сбежал в Литву». Уже в 1470-х гг. начался массовый отъезд его бояр. Общий вектор взаимоотношений был отражен в летописном тексте о пограничных обидах: «Где межи сошлись с межами, где ни изобидать московские дети боярские, то пропало. А где тверичи изобидать, а то князь великий (Иван III. – М. Б.) с поношением посылает и с грозами к Тверскому. А ответом его веры не иметь, а суде не дать»¹. Быстрое и безболезненное завоевание Тверского княжества в 1485 г. было естественным продолжением подобной пассивной политики.

В союзнических отношениях с Московским государством состояло также Рязанское княжество. В 1456 г. Иван Рязанский поручил своего сына Василия, а вместе с ним и управление своим княжеством Василию Темному. Позднее Василий Рязанский женился на дочери московского великого князя и не проявлял признаков своеволия. После его преждевременной смерти в 1485 г. правительницей стала сестра Ивана III Анна.

В последних двух случаях не возникало даже гипотетической возможности противостояния возрастающей мощи московских князей. Тверские и рязанские полки задолго до потери этими княжествами политической независимости регулярно принимали участие в походах московских (общерусских) ратей.

Недееспособность военно-политической организации Великого Новгорода отчетливо проявилась во время сражения под Русой в 1456 г. и, в значительно большей степени, в Шелонской битве 1471 г. В 1460–1470-х гг. для Новгородской республики жизненно важное значение имел вопрос отстаивания существующих территориальных границ, который, впрочем, не получил своего разрешения. В 1478 г. это политическое образование потеряло независимость, став частью объединенного государства.

Непокорные вятчане, наводившие ужас своими молниеносными свирепыми походами во времена Феодальной войны, после разгрома Дмитрия Шемяки утратили свое «знамя». Не являясь союзниками великокняжеской власти, они значительно умерили активность. Походы на Вятку 1457 и 1459 гг. привели к тому, что вятчане «великому князю доби́ли челом»². Они участвовали в походе на Казань 1469 г., а затем в 1471 г. в боях на Двине с новгородцами. Конфликт с устюжанами 1484 г. привел к появлению вятской рати под устюжским городком Осиновцем. Расплата за «измены» последовала в 1489 г., когда на Вятку были отправлены московские воеводы, покончившие с полунезависимым статусом этой отдаленной территории.

Не были созданы идеологические предпосылки для реваншистских или экспансионистских настроений. Дипломатическая переписка с Великим княжеством Литовским в 80-х – 90-х гг. XV в. демонстрирует скромные территориальные претензии к западному соседу. Речь пока не шла о возвращении комплекса русских земель (Киев, Полоцк, Витебск), как это будет характерно для последующих переговоров о вечном мире. Только в 1504 г., уже по итогам победоносной для московской стороны войны, были озвучены притязания на наследие киевских князей: «Вся Русская земля, и Киев, и Смоленск, и иные города... из старины, от наших прародителей наша отчина»³. Московские князья не могли претендовать и на статус наследников Золотой Орды.

---

¹ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). СПб., 1910. Т. 20. Ч. 1. С. 352.

² ПСРЛ. М., 1982. Т. 37. С. 45.

³ Сборник русского исторического общества (далее – Сб. РИО). СПб., 1882. Т. 35. С. 389.

В целом рассматриваемые десятилетия были исключительно благоприятными для внутреннего развития. Границы страны не подвергались угрозам систематических опустошений со стороны соседей. Необходимость наращивания военного потенциала имела второстепенный характер и вполне могла быть отложена до лучших времен. Большая часть внушительных территориальных завоеваний третьей четверти XV в. была осуществлена имеющимися силами, в рамках традиционной системы организации воинских сил. Создание новой структуры, с введением обязательной службы и масштабными поместными раздачами, было обусловлено скорее внутренними факторами, причем военная (оборонительная) составляющая имела в них далеко не главное значение.

Служба нашла более широкое применение, цементируя новое государственное образование. Московское государство приобретало целостность за счет проведения комплексных преобразований и организации «правильной» службы с привлечением нескольких тысяч служилых людей – детей боярских. При неразвитости общественных институтов и горизонтальных связей ориентация на военно-политическую модель развития, как и во многих других исторических примерах, обеспечивала быстрый и достаточно эффективный результат.

Положение служилых людей ставило их в прямую зависимость от государственной власти. В отличие от других социальных групп, получая поместья или сохраняя вотчины под условием обязательной службы, они попадали в прямую зависимость от центрального правительства и теряли при этом определенную степень своей свободы. Эта особенность отразилась в их самообозначении при обращении к «государям всея Руси». А.А. Горский заметил, представители московской аристократии, не говоря уже о более низких по рангу лицах, уничижительно называли себя его «холопами». Выходцы же из податных слоев населения были их «сиротами»⁴.

Присоединение той или иной территории и ее последующее закрепление сопровождалось приемом на службу местных «служилых землевладельцев», по определению С.Б. Веселовского. Лучшие из них попадали в состав Государева двора и получали доступ к должностям в системах центрального и местного управления. При возникающих сомнениях в благонадежности потенциальных новых детей боярских, как это было в случаях с Новгородской землей или землями, отторгнутыми от Великого княжества Литовского, в ход шли принудительные перемещения и раздачи освободившихся земель более лояльным «вассалам» из центральных уездов.

Получив в свое распоряжение несколько тысяч исполнителей различного уровня и решив вопрос их материального обеспечения, великокняжеская (затем царская) власть могла задействовать их как по прямому назначению – для ведения активной внешней политики, так и для внутреннего использования (в качестве судей, писцов, разъездчиков по земельным спорам, недельщиков, приставов, городских приказчиков). Лица более высокого ранга, представители аристократических фамилий, входили в состав Боярской думы, занимали должности воевод, больших послов и получали в кормления наместничества в крупнейших городах страны. Использование этого кадрового ресурса дало внушительный импульс для развития. Рост делопроизводственной документации конца XV в., создание для них единообразных шаблонов (писцовые описания, посольские книги, вероятно, также дворовые списки) свидетельствуют о создании общегосударственного аппарата, получившего стимулы для дальнейшего саморазвития и вмешательства в различные стороны общественной жизни.

Обратной стороной медали стала необходимость постоянного контроля службы. Запущенный механизм должен был исправно функционировать. Сбои в его работе грозили нарушить, а временами и действительно нарушали созданный баланс между центральным пра-

---

⁴ Горский А.А. Русское Средневековье. М., 2010. С. 210–222. Подобным образом и сам Василий III обращался к строптивому И.Н. Берсеню Беклемишеву: «пойди, *смерд*, прочь, ненадобен ми еси».

вительством и местными сообществами. Проблема усугублялась тем, что благоприятные десятилетия конца XV в. уже не повторялись в последующее столетие. Ввязавшись в затяжную и разорительную войну с Великим княжеством Литовским, Московское государство ожидало обострение отношений с Казанским и Крымским ханствами. На протяжении всего XVI в. ему постоянно приходилось вести военные кампании сразу на нескольких направлениях. Далеко не все они были успешными для русской армии (сражение под Оршей). Высокими были потери среди служилых людей, быстро восполнить которые было достаточно проблематично.

В этой связи трудно переоценить значение заложенного ранее военного потенциала. Несмотря на постоянный рост численности детей боярских, их не хватало для решения текущих задач. Уменьшение земельного фонда в центральных уездах страны, нарастание проблем, связанных с передачей статуса и должностей по наследству, резкое увеличение числа местных столкновений между воеводами, несоответствие между номинальными окладами и фактическими размерами имеющихся земельных наделов и, как следствие, снижение боеспособности армии – эти проблемы имели жизненно важное значение. Очень быстро вопрос полноценного выполнения своих обязанностей массой рядовых служилых людей стал головной болью для центральной власти. От его решения зависели вопросы текущего управления, не говоря уже о перспективах будущего развития.

Необходимо понимать, что не существовало какого-то единого шаблона, который мог быть взят за основу при создании и дальнейшем совершенствовании различных аспектов службы. Все изменения были обусловлены текущими потребностями, их введение осуществлялось методом проб и ошибок, без учета будущих последствий того или иного решения. Процесс постепенного доведения действующей организационной структуры до кондиций, устраивающих московское правительство в долгосрочной перспективе, занял длительное время. Его окончание условно можно связать с организацией самоуправления служилых «городов» в 1570-х гг., хотя и после этого вопрос о том, как бы службу «устроить», продолжал сохранять значение в жизни страны.

Глава 1. У истоков службы

Традиционная система службы в княжествах Северо-Восточной Руси XIII–XIV вв. развивалась по модели, сходной для многих европейских стран. В ее основе находились две основных составляющих: немногочисленные княжеские дворы и территориальные ополчения, включавшие в себя широкие слои населения, в том числе и представителей боярства. Первые упоминания о княжеских дворах (малых дружинах) относятся к последней трети XII в. Их появление было отражением общего процесса феодализации и трансформацией распространенных в более раннее время княжеских дружин⁵. Получая кормления, а позднее и вотчины, в разных частях того или иного княжества, дружинники лишь эпизодически находились в непосредственном окружении князя. Распространение получили городовые дружины, которые нередко проявляли себя как самостоятельные участники политических процессов. В междоусобном противостоянии Юрьевичей и Ростиславичей «дружина Ростовская и переяславци» поддерживали Ярополка Ростиславича, в то время как владимирцы – князей Михаила и Всеволода Юрьевичей⁶.

Двор составлял непосредственное окружение князя и выступал вместе с ним в походы, участвуя в разделе военной добычи⁷. В составе двора находились бояре, занимавшие места в княжеском совете и присутствовавшие на судебных разбирательствах. Численно преобладала «молодшая дружина»: отроки, пасынки, детские, мечники, получившие в конце XII в. общее имя – дворяне (позднее слуги). Эти дворяне, «милостники», в том числе, возможно, и лично несвободные, тесным образом были связаны с княжеской властью. Они не только сопровождали князей в походах, но и выполняли различные судебные-административные поручения на подвластных им территориях. С течением времени дворяне вслед за боярами стали получать в награду за службу кормления и земельные пожалования, превратившись в одну из категорий феодалов-землевладельцев. С середины XIII в. вместо термина «дворяне» в источниках начинают фигурировать слуги (меньшие бояре), которые, в свою очередь, с середины XV в. стали обозначаться как дети боярские⁸. Существенной трансформации подвергся со временем и термин «боярин», который стал употребляться сразу в нескольких смыслах: как крупный «вассал», член совета одного из князей (митрополита), и одновременно как землевладелец-вотчинник, иногда не слишком высокого ранга. В последнем случае «бояре» далеко не всегда были связаны с княжескими дворами⁹.

Дальнейшее развитие института службы проходило в условиях распада прежнего единства Владимиро-Суздальской земли и вторжения монголо-татарских войск. Сразу следует отметить, что при анализе эволюции служебных отношений приходится опираться по большей

---

⁵ Назаров В.Д. «Двор» и «дворяне» по данным новгородского и северо-восточного летописания (XII–XIV вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 121–123.

⁶ В 1186 г. упоминается «володимерская дружина». Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь. Л., 1987. С. 102–103; Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 239–245.

⁷ В 1214 г. после удачного похода новгородцев на Чудь Мстислав Удалой «взя на них дань, и да новгородцем две части дани, а третью часть дворяном» (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов М.; Л., 1950. С. 52–53).

⁸ Тихомиров М.Н. Древняя Русь. М., 1975. С. 233–239; Назаров В.Д. «Двор» и «дворяне»... С. 116–123; Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь. С. 160–161, 169; Свердлов М.Б. Дворяне в Древней Руси. С. 56–59; Кузьмин А.В. На пути в Москву: Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. М., 2014. Т. 1. С. 48; Назаров В.Д. «Дворянин» в актах и грамотах Северо-Восточной Руси и Новгорода XIV–XV вв. // Russian history / Histoire Russe. 34. Nos. 1–4. 2007. P. 145–147.

⁹ Ивина Л.И. Иерархическая структура правящей элиты в княжествах Северо-Восточной Руси и Русском государстве (конец XIV – первая половина XVI века) // От Древней Руси к России нового времени: Сб. статей: К 70-летию А.Л. Хорошкевич. М., 2003. С. 93–95; Корзишин А.Л. Государев двор Русского государства в доопричный период 1550–1565 гг. М.; СПб., 2016. С. 93–94.

части на комплекс источников, отражающих внутреннюю жизнь территорий, находившихся в сфере влияния московских князей. Принципы социальной структуры в других землях и княжествах Северо-Восточной Руси могли иметь свои особенности. Именно московская модель, однако, стала основой для дальнейшей эволюции служебной организации в рамках будущего единого государства.

В.Б. Кобрин и А.Л. Юрганов высказали предположение о том, что в результате похода хана Бату 1237 г. и серии последовавших за ним набегов с исторической арены исчезло значительное число представителей боярства. Это предположение было поддержано В.Д. Назаровым. Результатом стало замедление процесса феодализации и появление на княжеской службе большого числа лиц более низкого социального происхождения, «привыкших к повиновению и готовых быть слугами, а не боевыми товарищами князей». Тезис об истреблении «старого» боярства был подвергнут критике, хотя и не опровергнут целиком, А.В. Кузьминым, показавшим преемственную связь ряда боярских фамилий с лицами, жившими в домонгольский период¹⁰.

Изменения имели скорее не количественный, а качественный характер. Большинство историков, изучающих развитие русской государственности в XIV–XV вв., констатируют слабое развитие здесь феодальных отношений. Первые упоминания о боярских землях относятся еще к XII в. Даже принимая во внимание медленный ход процесса феодализации в Северо-Восточной Руси, результаты кажутся обескураживающими: еще в середине XV в. вотчины бояр и детей боярских (слуг вольных) были редкими вкраплениями на фоне многочисленных черных и дворцовых волостей. Небольшое количество дошедших от этого времени актов свидетельствует о слабом развитии института собственности. И даже в этих случаях, как справедливо отметил С.Б. Веселовский, степень феодализации была не слишком глубокой. Бояре занимались «хищнической эксплуатацией природных богатств», не стремились налаживать хозяйственный быт на принадлежащих им землях. Большую роль в качестве имущества играли холопы, число которых даже у сравнительно небольших вотчинников могло исчисляться несколькими десятками¹¹.

Складывается ощущение, что процесс феодализации, передача земель крестьянских общин в ведение феодалов, был искусственно ограничен, а сама княжеская (великокняжеская) власть была не слишком заинтересована в резком увеличении числа своих «вассалов». В различных княжествах эта тенденция могла проявляться более или менее отчетливо, но в общей системе никто из князей-претендентов на владимирский престол не выделялся по своему стремлению нарастить военный потенциал за счет многочисленных пожалований. «Черные» земли крестьянских общин долгое время находились в стороне от раздач. Более того, для обустройства собственного хозяйства московские князья сами зачастую приобретали земли у своих бояр.

Татарское влияние не ограничилось физическим уничтожением военно-служилой знати и массовым разорением населения Северо-Восточной Руси. Правители Золотой Орды имели успешный опыт эксплуатации покоренных земледельческих народов и не ограничились одними набегами. Повсеместное распространение получила система данничества, которая коренным образом изменила векторы и приоритеты развития служебных отношений. Судя по сохранившимся текстам княжеских завещаний, суммы «выхода» были отнюдь не символическими и ложились тяжким бременем на экономику. При отсутствии месторождений драгоценных металлов в конце XIV в. одно только Московское княжество выплачивало 1000 рублей;

¹⁰ Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 39; Кобрин В.Б., Юрганов А.Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (к постановке проблемы) // ИСССР. 1994. № 4. С. 58; Назаров В.Д. Нереализованная возможность. Существовало ли рыцарство на Руси в XIII–XV веках? // Одиссей. Человек в истории. М., 1989. С. 119; Кузьмин А.В. На пути в Москву. Т. 1. С. 37–38, 202, 324.

¹¹ Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. 1. С. 152–157.

великое княжество Владимирское, включая московские земли, – уже 5000 рублей. Нижний Новгород платил 1500 рублей, и после его присоединения к Москве общая сумма «выхода» увеличилась до 7000 рублей. Самостоятельно собирали дань великие княжества Тверское, Рязанское и Ярославское¹².

Со второй половины XIII в. сбор дани выполнялся самими князьями. Для них подобная роль открывала новые перспективы. Обязанность выплачивать дань разделила территорию Северо-Восточной Руси на две неравноценные группы. Княжества, отличавшиеся выгодным расположением на торговых путях и развитым административным аппаратом, сравнительно легко могли отправлять татарский «выход» в полном объеме. Другие испытывали очевидные проблемы, которые усугублялись по мере возрастания задолженности. В случае задержки или даже неуплаты дани нерадивый князь мог поплатиться жизнью или потерять ярлык на свое княжество, которое попадало в сферу влияния более удачливых соперников. История с «кашинским долгом» едва не привела к захвату этого княжества московскими князьями. Многочисленные «посулы» и подарки татарским вельможам позволяли без битв и крови расширять политическое влияние, а при случае приобретать права на задолжавшие или выморочные княжества¹³.

Сбор дани в чужих княжествах сопровождался откровенными вымогательствами. О поведении москвичей в Ростове красочно рассказывает житие Сергия Радонежского: «Увы, увы тогда граду Ростову, паче же и князем их, яко отъяся от них власть, и княжение, и имение, и честь, и слава, и вся прочая потягну к Москве... возложиста велику нужю на град да и на вся живущая в нем, и гонение много умножися. И не мало их от ростовцев москвичем имения своя с нуждею отдаваху». Бесцеремонные московские бояре Мина и Василий Кочева буквально «выбивали» из ростовцев причитающиеся суммы. Результатом стало не только ослабление Ростовского княжества, но и переселение многих ростовцев на московские земли¹⁴. Не только москвичи проявляли такие злоупотребления. Михаила Тверского на суде у хана Узбека обвиняли в том, что он отсылал в Орду значительно меньше того, что в действительности собирали его сборщики на территории великого княжества¹⁵. Формально сохраняя атрибуты княжеской власти, князья из «слабых» княжеств постепенно теряли влияние и переходили на положение «служебников». Соперничество между различными княжествами Северо-Восточной Руси приобрело за счет этого ярко выраженный экономический характер.

Необходимое для «выхода» серебро можно было получать за счет продажи имеющихся ресурсов на внешние рынки. В условиях неразвитой экономики большая часть нагрузки в этом случае ложилась на крестьянские хозяйства. Их следовало оберегать, следить за сохранением в них нужного количества людей и, естественно, передавать в руки частных владельцев только в исключительных случаях.

Прежде всего, это правило затрагивало «вассалов» соседних князей. В договоре Дмитрия Донского и Владимира Храброго 1389 г. было сказано: «А сел ти (Владимиру Храброму. – М. Б.) не купити ни в моем уделе, ни в великом княженьи, ни твоим детем, ни твоим бояром. А хто будет покупил земли данные, служние или черных людей, по отца моего животе, по князя великого по Иванове, а те, хто возможет выкупити, ине выкупят, а не возмогут выкупити, ине потянут к черным людям. А хто не всхочет тянути, ине ся с земль сступят, а земли черным людям даром. Так же и мне, и моим детем, и моим бояром сел не купити в твоём уделе. А хто будет

¹² Капитанов С.М. Финансы средневековой Руси. М., 1988. С. 7–10.

¹³ Борисов Н.С. Политика московских князей конца XIII – первой половины XIV века. М., 1999. С. 171–172; Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X – XIV вв. М., 1984. С. 247–256.

¹⁴ Житие Сергия Радонежского // Памятники литературы Древней Руси (далее – ПЛДР). XIV – середина XV в. М., 1981. С. 288; Городилин С.В. Ростовское боярство в первой половине XIV в. // История и культура Ростовской земли. 2001. Ростов, 2002. С. 86–93.

¹⁵ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 175.

покупил, а то потому же»¹⁶. Как видно, стороны обязались взаимно не расширять свои владения и владения своих бояр, за счет покупки «земель данных». Аналогичные ограничения, вероятно, имели и внутреннее хождение. В близком по смыслу пункте уставной грамоты митрополиту Киприану рассматривалась судьба митрополичьей домовной вотчины города Луховца: «А бояром и слугам князя великого и *митрополичьим* земель луховских не купити; а который будет покупил тем лести вон, а серебро свое взяти». Бояре на службе у митрополитов, не говоря уже о великокняжеских боярах, не могли покупать луховские податные земли. Запрет не рассматривался как ущемление их прав. Позднее приобретение «черных» земель производилось в случае княжеского пожалования, оформлявшегося особыми грамотами¹⁷.

Запрет приобретать «черные» земли был обусловлен существованием определенного набора привилегий, распространявшегося на «боярские» земли. Деление земель на «черные» и «боярские» присутствовало в древнейших писцовых книгах. Подобное противопоставление свидетельствовало об особом статусе «белого» (свободного от податей и повинностей) боярского землевладения. «Боярские» земли свободно передавались по наследству, продавались и отдавались в качестве вкладов в монастыри, сохраняя свой статус¹⁸. Сохранившиеся источники говорят о значительных преимуществах, которыми пользовались бояре и слуги вольные при выплате дани. Их земли, скорее всего, были полностью освобождены от ее уплаты. В этом убеждает реакция летописца на действия тверского князя, который «нача братанича своего князя Всеволода Александровича обидети и бояр его, и слуг его *тягостию данною оскорбляти*». В исключительных случаях предполагалось собирать дань с бояр и в договоре Дмитрия Донского и Владимира Храброго 1389 г.: «*Коли ми* (Дмитрию Донскому. – М. Б.) *будет и дань взяти* на своих боярех на больших и на путных, тогда ти взяти на своих так же по кормлению и по путем да дати ти мне»¹⁹.

Древнейшая жалованная грамота, выданная Дмитрием Донским новоторжцу Микуле Смолину с детьми «по деде своего грамоте», предусматривала полное освобождение от дани: «Не надобе им потянути с новоторжцы ни в которую дань, ни в ординское серебро, ни его сиротам»²⁰.

Княжеская власть была заинтересована в поддержании сложившегося статус-кво: уменьшение количества «черных» земель вело к снижению собираемости дани. Расширение фонда «боярских» земель без ущемления ее фискальных интересов было возможно за счет новых роспашей и организации на них хозяйства с одновременным переманиванием людей из соседних территорий. Формуляры жалованных грамот XIV–XV вв. показывают, что князья прилагали для этого существенные усилия, предоставляя «инокняжцам» финансовые льготы. При выезде кого-либо из бояр им предпочитали отдавать «в отчину» различные охотничьи угодья и пустоши, непригодные для хозяйственного использования, хотя в этом случае не могло обойтись и без исключений. С.З. Чернов проанализировал складывание боярского землевладения в Радонеже и пришел к выводу, что во время правления Владимира Храброго здесь не было

¹⁶ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. (далее – ДДГ) М.; Л., 1950. № 11. С. 32.

¹⁷ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. (далее – АСЭИ). М., 1964. Т. 3. № 6. С. 18. От второй половины XV в. сохранилось несколько жалованных грамот с разрешением приобретать «черные» земли. Андрей Вологодский выдал разрешение сыну боярскому Злобе Васильеву «купити на Вологде земли на соху боярских и служих и черных тяглых людей, хто ему продасть; а с тою земли с слугами и с черными людьми не тянет, а служити своею братью з детьми боярскими».

¹⁸ Алексеев Ю.Г. У кормила Российского государства. СПб., 1998. С. 126–129; Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960. С. 182. Белозерская купчая грамота второй половины XIV в. земли «боярской» докладывалась князю Федору Романовичу (Грязнов А.Л. Купчая Павла Харитоновна: Землевладение на Белоозере в эпоху Куликовской битвы // ДРВМ. 2012. № 2 (48). С. 35–49).

¹⁹ ПСРЛ. СПб., 1885. Т. 10. С. 223; ДДГ. № 11. С. 32.

²⁰ АСЭИ. Т. 3. № 178. С. 193; Кучкин В.А. Автограф сподвижника Дмитрия Донского // Родина. № 2. 1995. С. 23–26. Л.В. Черепнин считал Микулу горожанином (Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 118). Этому предположению противоречит упоминание «сирот» Микулы, которые выплачивали дань и другие поборы.

крупных вотчин-пожалований. Владения местных землевладельцев собирались частями. Лишь средняя по размерам вотчина Кучецких напоминала княжеское пожалование. Справедливо было отмечено, что указанная особенность объяснялась заботой удельных князей о сохранении черных земель²¹. По мнению исследователя, комплекс вотчинных земель, фиксируемый актами XV столетия, сложился не ранее середины XIV в. До этого времени основным средством обеспечения боярства были не земельные пожалования, а «дары многие», раздаваемые в форме передачи путей и различных кормлений²².

Существовала, безусловно, и обратная тенденция. Несмотря на наличие или отсутствие татарской поддержки, не стоило пренебрегать и кадровым усилением собственных дворов. Родословные росписи фиксируют большое число примеров выездов «честных мужей», основателей известных впоследствии боярских и дворянских родов, на службу к основным участникам политической борьбы XIV–XV вв. – великим князьям Московским, Тверским, Рязанским. Меньше известно подобных примеров, относящихся к другим княжествам Северо-Восточной Руси. Знатных и влиятельных бояр, обладавших собственными отрядами «челяди», приходилось удерживать на своей службе, в том числе за счет передачи им некогда «черных» сел и деревень²³. Несомненно, появление новых лиц вызывало отрицательное отношение со стороны сложившегося круга боярской знати. Подобные выезды вели к дроблению кормлений и нарушали сложившуюся иерархию. При этом неизвестны примеры сколько-нибудь явного и откровенного сопротивления «старых» бояр наплыву «чужаков», число которых при московском дворе постоянно возрастало на протяжении XIV в.²⁴

Важным вопросом в этой связи является определение границ консолидации боярства как социальной прослойки, а соответственно, их возможность защищать свои интересы перед лицом княжеской власти. В отсутствие регламентирующих документов широкое распространение получило мнение о бытовании среди бояр удельного времени традиций родовой общности. Начало ему было положено еще в дореволюционной историографии. С.М. Соловьев говорил о преобладании родового принципа: «В глубине жизни народной коренилось начало родовое; изгонится оно из одной сферы – с большею силою и упругостию обнаружится в другой»²⁵. Наиболее яркое и обстоятельное исследование процесса складывания круга боярских родов и фамилий, сформировавших прослойку нетитулованной аристократии, принадлежит С.Б. Веселовскому. По его мнению, «не лица, не семьи, а роды составляли основные ячейки, из которых складывался класс». Изучение истории боярства удельного времени строилось им через призму изучения «важнейших боярских родов». А.А. Зимин продолжил линию С.Б. Веселовского, говоря об основанных на родовом принципе «старомосковских традициях», которые определяли порядок получения думных чинов. Именно они были сдерживающим фактором «при назначении тех или иных лиц в число боярских советников»²⁶.

Мнение о доминирующем значении родового начала и родовой общности в среде боярства XIV–XV вв. подспудно сохраняется в трудах современных российских историков, а признание приоритетного значения в политической борьбе родовых (клановых) связей имеет широкое распространение в зарубежной исторической науке. Основой для него является пере-

²¹ Чернов С.З. Три семьи радонежских бояр // Русское Средневековье: Сб. статей в честь Ю.Г. Алексеева. М., 2012. С. 684.

²² Веселовский С.Б. Феодальное землевладение. С. 76; Чернов С.З. Микрорегиональные исследования исторических территорий средневековой Руси: новые возможности, проблемы, перспективы // Средневековая Русь. М., 2007. Вып. 7. С. 248–251. В цитируемом тексте соглашения между Дмитрием Донским и Владимиром Храбрым бояре платили дань с кормлений и путей, а не с вотчин.

²³ Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 467–468.

²⁴ Примером подобного недовольства может служить память о боярах, которых «заехал» при выезде князь Юрий Патрикеевич.

²⁵ Соловьев С.М. Сочинения. М., 1989. Кн. 3. С. 681–690.

²⁶ Веселовский С.Б. Исследования... С. 7–8; Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 304–305.

несение сложившихся к середине XVI в. местнических традиций на реалии более раннего времени²⁷.

Именно род выдвигался в качестве исходной единицы, объединяющей различные фамилии при составлении родословных книг. Положение в системе родового старшинства определяло местнический и служебный статус и отражалось на карьерном продвижении. Распространенным для середины XVI–XVII вв. было стремление служилых людей сохранить и увеличить размеры наделов в родовых вотчинах. Естественным кажется желание историков удревнить эти традиции, находя их истоки в отношениях более раннего времени. Бытование в течение нескольких столетий родовых отношений среди владетельных князей Рюриковичей Северо-Восточной Руси, рассматривавших доставшиеся им княжества как коллективное достояние, является достоверным фактом (княжеские «дольницы», совместное управление столицей княжества и т. д.)²⁸.

Забывается, что первые родословные росписи, фиксирующие представителей боярских фамилий, появляются лишь в 90-х гг. XV в. Их структура отличалась неразвитостью, а охват членов перечисляемых родов был далеко не исчерпывающим. А.А. Зимин высказал ряд критических замечаний о раннем возникновении местнических отношений, показав их изначально служилый, а не родословный характер²⁹. Понятие родового землевладения применительно к боярским фамилиям отличалось высокой степенью условности. Долгое время представители боярских родов с легкостью расставались с наследственными владениями: продавали, меняли, отдавали в приданое и делали вклады в монастыри, без учета возможных интересов своих однородцев³⁰. Последние выступали в актах XV в., скорее, в качестве пассивных свидетелей, соседей-землевладельцев. Родственные связи, за редкими исключениями, проявлялись на уровне одного-двух колен (семейные связи) и редко осознавались при более отдаленном родстве.

Положение князей и бояр в удельное время существенно отличалось. В последнем случае не существовало значимых политических и экономических предпосылок для поддержания традиций родового единства. При разделе того или иного княжества в руки наследников переходили не только земли, но и сами бояре, которым приходилось служить при дворах князей-соперников, часто откровенных врагов. Во время Феодалной войны многие фамилии имели представителей при дворах различных князей. Показателен случай с Филимоновыми. Я. Жест был боярином и дворецким у Юрия Звенигородского, а его сын М. Русалка и дядя Семен Филимонович с детьми после ослепления Василия Темного в 1446 г. решительно поддерживали свергнутого великого князя. Среди Морозовых верным сторонником Василия II выступил также Василий Шея, в то время как его брат Игнатий «держал» от Дмитрия Шемяки Галич³¹. Морозовы-Филимоновы были не единственным родом, политические пристрастия членов которого разошлись в это время. Судьба разбросала по разные стороны также потомков Акинфа Великого. Дмитрию Шемяке служили сыновья А. Остея Роман Безногий и Тимофей. Их двоюродный брат Ф.М. Челяднин и троюродный – Ю.Р. Каменский сохранили

²⁷ И.Б. Михайлова характеризовала кадровую политику Ивана III: «Следуя законам местничества, он возвышал старшие ветви боярских фамилий, ущемляя при этом сподвижников отца» (Михайлова И.Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV – первой половине XVI века. СПб., 2003. С. 379). Kollmann N.S. The boyar clan and court politics: The founding of the Muscovite political system // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 23. № 1. Janvier – Mars. 1982. P. 5–31.

²⁸ Кобрин В.Б. Власть и собственность. С. 77–78; Назаров В.Д. Служилые князья Северо-Восточной Руси в XV веке // РД. М., 1999. Вып. 5. С. 175–196.

²⁹ Бычкова М.Е. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975; ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 230–232. Эти родословные составлялись, вероятно, в разное время, начиная с первой трети XV в. Зимин А.А. Источники по истории местничества в XV – первой трети XVI в. // АЕ за 1968 г. М., 1970. С. 109–118.

³⁰ Целя белозерская волость Ерга, например, «вышла» из рода Монастыревых в виде приданого дочери Дмитрия Александровича.

³¹ Зимин А.А. Формирование... С. 241–242; ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. С. 152; ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12. С. 70. Веселовский С.Б. Исследования... С. 461. Еще один представитель этого рода – С.Ф. Морозов, «любовник» Юрия Звенигородского, был убит его сыновьями Василием Косым и Дмитрием Шемякой.

верность Василию Темному. В.И. Чешиха Замытский «засветился» на службе у Ивана Можайского. Далеко не всегда линия противостояния в этой затянувшейся Смуте проходила между отдельными боярскими родами, как считал С.Б. Веселовский³².

Не исключено, что за несколько десятилетий Феодальной войны боярскими семьями были опробованы разные стратегии выживания, которые могли предусматривать одновременную службу их представителей разным князьям. При ужесточении борьбы такая позиция не всегда гарантировала конечный успех. Конфискации подверглись вотчины братьев Добрыньских и И.Д. Всеволожа. Их потомки, несмотря на высокое положение, занимаемое их родственниками в окружении великого князя (Образцовы-Симские и Заболоцкие, соответственно), были навсегда вытеснены из боярской среды³³.

Процесс дифференциации внутри боярских родов не всегда был связан с коллизиями политической борьбы. Значение имели и другие факторы: способность к несению службы, финансовое положение, благорасположение князя-сюзерена. Некоторые фамилии добивались высокого положения на службе. Их менее удачливые родственники деградировали до уровня рядовых детей боярских. Княжеская власть занимала в этом вопросе позицию молчаливого наблюдателя, не препятствуя выделению «отбросов» и проявляя равнодушие к их судьбам. Характерен пример бояр Ворониных, пострадавших от запустения, вызванного исчезновением дмитровского удела и моровыми поветриями. Один из сыновей переславского вотчинника И.И. Воронина «дался в холопи при отце при своем до мору княгине Офросинье, а держал от нее волость Куней». Трое его сыновей опустились еще ниже, став боярскими холопами. Четвертый сын «в попех». Последний сын И.И. Воронина получил место монастырского дьяка³⁴.

В подобных ситуациях однородцы не спешили прийти на помощь, часто предпочитая «открещиваться» от не удачливых родственников. В родословной Вельяминовых сохранился краткий перечень потомков казненного Дмитрием Донским Ивана Васильевича, сына тысяцкого: «И отъ Ивана дети опалы для въ своемъ роду и въ счете не стояли». В.А. Кучкин справедливо полагал, что к этому роду принадлежали переславские вотчинники Вельяминовы, имена которых отсутствовали в родословцах. Они, несмотря на предполагаемое родство с боярами Воронцовыми, затерялись в массе рядовых служилых людей³⁵.

Естественные тенденции боярства к замкнутости и ограниченности состава, позволявшие распределять доходные должности и кормления среди узкого круга лиц, в случае великокняжеского двора размывалась притоком новых лиц и фамилий, многие из которых сумели оттеснить «старых» слуг. Этот процесс не был закончен в XIV в. и продолжался в последующие столетия. Вряд ли допустимо предположить наследственный характер статуса боярина. После Феодальной войны в ряды боярства вошли худородные сподвижники Василия Темного, такие как, например, Ф.В. Басенок. Позднее число бояр пополнили «сурожане» Ховрины (В.Г. Ховрин – «гость да болярин» великого князя), породнившиеся через князя Ю. Патрикеева с семьей великого князя³⁶.

Стоит подробно остановиться на пресловутом праве боярского отъезда. Часто высказывалось мнение о том, что оно выступало в качестве средства воздействия на княжескую власть,

³² Зимин А.А. Формирование... С. 172; ПСРЛ. Т. 23. С. 152; ПСРЛ. Т. 12. С. 72; Веселовский С.Б. Исследования... С. 505, 513–516.

³³ Веселовский С.Б. Исследования... С. 308–313, 346–347.

³⁴ АСЭИ. М., 1952. Т. 1. 391. С. 294; Алексеев Ю.Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. Переяславский уезд. М.; Л., 1966. С. 55–56.

³⁵ Родословная книга князей и дворян российских и выехавших... (далее – Род. кн.). М., 1787. Ч. 2. С. 14–15; Кучкин В.А. Вельяминовы на службе у московских князей в XIV – начале XV в. // Кулешов А.С. Аксаковы. История разбитых судеб. М., 2009. С. 286–287.

³⁶ Зимин А.А. Формирование... С. 252–253, 270–271. Басенковы происходили от боярина Онуфрия, служившего Всеволоду Холмскому. Их родственники принадлежали к числу рядовых служилых людей.

терявшую свой престиж после подобного поведения своих «вассалов»³⁷. Сущность боярского отъезда заключалась в праве бояр и слуг вольных переходить без ограничений из одного княжеского двора в другой, не теряя при этом вотчин в прежних княжествах. Формальное значение право боярского перехода сохраняло еще в первой трети XVI в. Из русско-литовских посольских книг известно, что московское правительство неоднократно прикрывало им свои действия. В ответ на запрос о судьбе незадолго до того захваченного королевского дворянина И. Ботвиньева последовал ответ: «А он слуга вольной, приехал к нам служить, а и наперед того к нам вольные люди ездили, а и ныне к нам приехал вольной же слуга». Память о свободных переходах сохранялась в кругах московской аристократии еще в середине XVI в. Ее отголоски можно обнаружить в переписке Ивана IV и князя А.М. Курбского³⁸.

Касаясь вопроса о праве вольного отъезда, С.Б. Веселовский считал, что начиная с середины XIV в. боярские переходы были скорее исключением, чем правилом и должны были сопровождаться церемонией формального отказа в присутствии самого князя и нескольких его бояр, по аналогии с процедурами крестьянских переходов. Это мнение было поддержано Х. Рюссом³⁹. В упомянутом примере с И. Ботвиньевым ни одна из сторон, однако, не апеллировала к процедуре формального отказа, которая явно не была соблюдена. Судя по межкняжеским договорным грамотам, в XIV в. практика боярского отъезда носила будничный характер. В договоре Дмитрия Донского и Владимира Храброго 1367 г. предусматривалась возможность свободного отъезда бояр от одного князя к другому без отказа: «А который боярин поедет ис кормления от тебе ли ко мне, от мене ли к тебе, а службы не отслужив, тому дати кормление по исправе, а любо служба отслужити ему». Видно, что отъезды бояр происходили даже во время выполнения ими службы, без применения штрафных санкций, хотя подобная практика могла объясняться тесными союзническими отношениями между двумя двоюродными братьями⁴⁰.

Родословные источники дают неоднократные примеры боярских отъездов⁴¹. Рязанец И. Бунко известен тем, что в 1446 г. пытался предупредить Василия Темного об измене Дмитрия Шемяки и Ивана Можайского и «не ят ему веры, понеже бо тот Бунко за мало преже того отъехал к князю Дмитрею (Шемяке. – М. Б.)». Случай отъезда одного из бояр от самого Василия к Борису Тверскому упоминается в житии Мартемиана Белозерского⁴². Отъезжали от Ивана Ивановича Московского в 1356 г. в Рязань «большие бояре Московстии». Спустя некоторое время, несмотря на то что они уже должны были связать себя гипотетической клятвой верности с новым сюзереном, великий князь «перезва к себе паки дву бояринов своих, иже отъехали были от него на Рязань, Михайло и зять его Василей Васильевич»⁴³. Примечателен пример рязанцев Сунбуловых. Их предок Семен Федорович Ковыла Вислый выехал из Литвы в Москву. Около 1371 г. он уже оказался на службе у Олега Рязанского. Его сын Семен служил Василию Темному, а внук Яков – Федору Ольговичу Рязанскому⁴⁴.

В летописном известии 1392 г. сохранилось описание взятия Нижнего Новгорода войсками москвичей и хана Тохтамыша. Благодаря вероломству местных бояр городские ворота были открыты. Когда же Борис Нижегородский напомнил им о клятве верности «господие мои

³⁷ Веселовский С.Б. Исследования... С. 470–472; Riiss H. Так называемый вольный отъезд // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 34. № 1–2. Janvier – Juin 1993. P. 59–60.

³⁸ Сб. РИО. Т. 35. С. 833. Видимо, на случай подобных захватов в княжеских договорах середины XV в. предусматривалась формулировка: «А бояром и слугам добровольно вольным воля». Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 108; Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1988. С. 429–441.

³⁹ Веселовский С.Б. Исследования... С. 470–472; Riiss H. Указ. соч. P. 59–71.

⁴⁰ ДДГ. № 5. С. 21.

⁴¹ Фрол, брат Федора Беклемиша с сыном «отъехали для невзгоды в Смоленск» (Редкие источники по истории России (далее – РИИР). М., 1977. Вып. 2. С. 172).

⁴² ПСРЛ. Т. 12. С. 67; Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартемиан Белозерские. СПб., 1994. С. 259.

⁴³ ПСРЛ. М., 1965. Т. 11. С. 229–230.

⁴⁴ Зимин А.А. Формирование... С. 268; РИИР. Вып. 2. С. 182.

и братия и малая дружина, попомните крестное целование, еже есте целовали ко мне, и не выдайте мене врагом моим», то получил исчерпывающий ответ от В. Румянца, «старейшего» боярина: «Господине, княже, не надейся на нас, уже бо есмы отныне не твои, и несть есмя с тобою, но на тя есмы». Этот пример в историографии часто рассматривается как свидетельство боярского отказа. Стоит отметить не только формальный характер процедуры, но и прямое клятвopеcтупление нижегородских бояр, которые рассматривали свой долг исключительно с прагматичной точки зрения⁴⁵.

В.Д. Назаров справедливо отмечал, что во второй половине XIII–XIV в. в пределах Владимирского великого княжения существовало более десятка великих и самостоятельных княжеств, к которым можно было добавить княжества Смоленское, Рязанское, черниговские уделы и Великое княжество Литовское, что создавало многоадресность военной службы и выбора сеньора. Случаи отъездов бояр долгое время не встречали явного сопротивления со стороны княжеской власти. Традиционная формула: «А боярам и слугам волным воля» (позднее боярам и детям боярским) – встречается в договорах как внутри московского княжеского дома, так и в договорах московских правителей с тверскими, рязанскими, суздальско-нижегородскими и литовскими князьями⁴⁶.

Спустя полвека, в разгар Феодалной войны, ситуация изменилась кардинально. В послании епископов к Дмитрию Шемяке 1448 г. красочно описываются действия этого князя: «Которые бояре и дети боярские от тебе били челом брату твоему старейшему великому князю служити, а села их, дома их в твоей отчине, и ты через то докончанье и через крестное целованье тех еси бояр и детей боярских пограбил, села их и дома их еси у них поотымал»⁴⁷. Еще ранее, в 1433 г., передавая великое княжество Василию Темному, Юрий Звенигородский добился в качестве компенсации передачи Бежецкого Верха своему младшему сыну Дмитрию Красному. Заключенное соглашение определяло судьбу бежецких бояр: «А у кого будут в Бежыцском Версе грамоты жалованные отца твоего, великого князя, или твои у бояр... и в тех грамотах волен яз, князь Юрий Дмитриевич кого как хочу жаловати». Бежецкие землевладельцы должны были доказать лояльность новому князю или потерять привилегированное положение своих земель. Некоторые из московских бояр, владевших вотчинами в Бежецком Верхе, после заключения этого договора решили не искушать свою судьбу, перейдя на новую службу⁴⁸. Во избежание подобного «произвола» боярам приходилось соотносить выбор «сюзерена» с территориальным расположением своих земель.

Не менее жестко действовал сам Василий Темный. Уже упоминался переход одного из великокняжеских бояр на службу к Борису Тверскому. Впоследствии он вернулся на московскую службу (при содействии Мартемиана Белозерского), однако был схвачен и посажен в темницу. Виднейший боярин И.Д. Всеволож был ослеплен за переход на сторону Юрия Звенигородского, а его вотчины конфискованы. В руки великокняжеской власти перешли некоторые земли М.Ф. Сабурова и И.Ф. Старкова, проявивших «шатость», не говоря уже о вотчинах изменника Н.К. Добрынского⁴⁹.

Позднее в завещании Ивана III специально оговаривалась судьба ярославских землевладельцев: «А бояром и детем боярским ярославским с своими вотчинами и с куплями от моего сына от Василья не отъехати никому никуда. А кто отъедет, и земли их сыну моему, а служат ему, и он у них в их земли не вступается, ни у их жон, ни у их детей»⁵⁰. Часть территории

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 11. С. 148; Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм... С. 441.

⁴⁶ Назаров В.Д. Нереализованная возможность. С. 121.

⁴⁷ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее – АИ). СПб., 1841. Т. 1. № 40. С. 81.

⁴⁸ ДДГ. № 30. С. 76. На службе у Дмитрия Красного известен бежецкий вотчинник Д.И. Кайса, внук великокняжеского боярина Ю.В. Щеки (Кашитанов С.М. Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 452).

⁴⁹ Веселовский С.Б. Исследования... С. 188–189, 399.

⁵⁰ ДДГ. № 89. С. 356.

ярославского княжества по этому документу досталась Дмитрию Углицкому, к которому на службу могли отъехать упомянутые ярославские вотчинники. Еще ранее утвердилось правило потери «отчин» служилыми князьями в случае перемены ими места службы.

Поручные грамоты, известные с конца XV в., прямо запрещали отъезд виднейших представителей московской аристократии, причем в этом случае применялась более резкая и уничижительная характеристика: «Не отъехати ему, *ни збежати* и до живота никуда ни х кому». Для менее значимых лиц верность обеспечивалась введением практики обязательного крестоцелования. Наглядно эта практика была озвучена в деле о побеге последнего рязанского великого князя 1521 г. Все местные бояре вспоминали клятву, данную ими наместнику И. Хабару Образцову, «что нам служити государю князю великому вправду, бес хитрости»⁵¹.

Спокойное отношение к боярским переходам объяснялось сохранением князьями всей полноты суверенитета на земли отъехавших бояр и слуг вольных. Их вотчины продолжали «судом и данию тянути по земле и по воде». Конечно, совершенно по-другому обстояло дело в случае прямой измены и последующего бегства. Однако подобные крайние случаи действительно были распространены редко.

Общая тенденция увеличения численности княжеских дворов, связанная с развитием процесса феодализации, получила ряд искусственных ограничений в межкняжеских докончаниях. В уже цитируемом договоре между сыновьями Ивана Калиты специально был оговорен круг лиц, входивших в категорию слуг вольных: «А вольным слугам воля, кто в кормлении бывал при нашем отци и при нас». Это соглашение четко ограничивало число претендентов на статус слуг вольных, утверждая принцип «старины», и запрещало распространять привилегии этой категории на новых лиц⁵².

Зафиксированные здесь нормы находят подтверждение в более поздних родословных. В росписи Кикиных подчеркивалось, что один из их предков «был в доводках и в кормлениях великих». Кормления были прерогативой членов княжеских дворов. Получение кормлений определяло их привилегированный статус, создавая необходимые прецеденты для службы потомков. С.З. Чернов на примере складывания вотчин Бяконтовых в волости Бели показал, что бояре-кормленщики приобретали права вотчинников на волостные земли на подведомственной им территории. Кормления, таким образом, превращались в одну из форм трансформации общинных земель в привилегированные «боярщины»⁵³.

Служба была гранью, отделившей бояр и слуг вольных от остальных категорий землевладельцев. В этом отношении княжеская власть обладала весомыми рычагами влияния, признавая или не признавая привилегированный статус того или иного лица. Договор сыновей Ивана Калиты специально рассматривал судьбу А. Хвоста Босоволкова: «А что Олексе Петровичшел в коромолу к великому князю, нам, князю Ивану и князю Андрею к себе его не приимати, ни его дети... волен в нем князь великий, и в его жене, и в его детех. А тебе... к себе его не приимати же в бояре». Этот договор обрекал А.П. Хвоста на деградацию, не признавая за ним и его сыновьями права на привилегии бояр. Позднее, правда, Семен Гордый в одностороннем порядке нарушил достигнутую договоренность. В 1347 г. А.П. Хвост ездил с посольством в Тверь за невестой для великого князя. Во время правления Ивана Красного он был московским тысяцким⁵⁴.

⁵¹ АСЭИ. Т. 3. № 19. С. 35, № 391. С. 407.

⁵² Ю.Г. Алексеев считал, что смысл противопоставления состоял в разграничении прав слуг вольных и людей, которые «по волостям выиманы». Привлечение более поздних княжеских докончаний показывает, что эти «люди» являлись ордынцами или делюями, мелкими дворцовыми слугами, обслуживающими ордынские посольства (Алексеев Ю.Г. У кормила... С. 12).

⁵³ Родословная роспись рода Кикиных, грамоты и наказы // Синбирский сборник. М., 1844. Т. 1. С. 3; Чернов С.З. Землевладение волости Бели Радонежского удела // ОФР. М., 2000. Вып. 4. С. 57–58.

⁵⁴ ДДГ. № 2. С. 13; Веселовский С.Б. Исследования... С. 244.

В Северо-Восточной Руси XIV – первой половины XV в. существовали непривилегированные вотчинники. Повесть о Луке Колочском, можайском крестьянине, разбогатевшем после находки чудотворной иконы и купившем себе земли, показывает, что подобная практика могла иметь место. Пример Никиты Камчатого, поставившего церковь на волостной земле и получавшего в качестве вкладов небольшие участки крестьянских земель, превратившиеся со временем в среднюю по размерам вотчину, подтверждает справедливость этого предположения. Среди землевладельцев были также купцы. Селами владел сурожанин Некомат. Значительные вотчины в Подмоскovie принадлежали позднее и другим купцам-сурожанам⁵⁵.

Часть непривилегированных вотчинников составили бывшие члены распущенных княжеских дворов, не нашедшие по тем или иным причинам себе нового места службы. Количество независимых княжеств уменьшалось на протяжении всего XIV в. как по причине исчезновения отдельных княжеских династий, так и в связи с активной политикой московских князей. Далеко не всем бывшим боярам и слугам вольным удавалось удачно устроить свою судьбу. Заметное беспокойство о будущем своих людей проявляла великая княгиня Софья Витовтовна. В своем завещании она обращалась с просьбой к сыну Василию Темному: «А которые мои бояре, и дети боярские, и слуги и тех (Василий Темный. – М. Б.) жалует и блюдет как своих, а яз о том челом бью». Сам он в своем завещании переадресовал вопрос о землевладельцах Ростовского и Романовского уездов, переходивших в удел его жены Марии Ярославовны, в ее ведение: «А которые дети боярские служат моей княгине, и слуги ее, и вси ее люди... и кому буду яз, князь великий, тем давал свои села, или моя княгиня им давала свои села, или за кем будет их вотчина или купля, и в тех в своих людех во всих волна моя княгиня, и в тех селех»⁵⁶.

Процедура выбора на службу проявилась в новоприсоединенном Ярославском княжестве. В 1462/63 г. князь И.В. Стрига Оболенский (Иоанн Агафонович Сузей) оценивал местных землевладельцев. В ходе проведения поземельного описания некоторые местные землевладельцы лишились своих земель «у кого село добро, ин отнял, а у кого деревня добра, ин отнял да отписал на великого князя». Трудно сказать, насколько буквально можно воспринимать это известие в части конфискации вотчин местных землевладельцев. Возможно, эти земли были возвращены позднее на правах великокняжеского пожалования. Некоторые отобранные ярославцы были собраны в Москве, где они получили жалованные грамоты⁵⁷.

В исторической литературе неоднократно обращалось внимание на пример И. Глядящего. В 50-х гг. XV в. он обратился с челобитьем о принятии его в службу к великой княгине Софье Витовтовне, бабке Ивана III. Взамен он отдавал свое родовое сельцо Глядячее в Муромском уезде. Случаи закладничества (коммендации) были хорошо известны в Северо-Восточной Руси. Обычно подобная процедура заканчивалась похолоплением. В данном случае великий князь принял И. Глядящего на службу и пожаловал его же вотчиной. Как великокняжеский слуга, он был освобожден от уплаты дани. Так же на государеву службу поступил и суздальский вотчинник А. Краснослепов⁵⁸.

Оставшиеся «за бортом» службы землевладельцы теряли привилегированный статус. В более поздних жалованных грамотах постоянно встречалась формулировка: «Не надобе тянути ни к сотцкому, ни к дворскому, ни в какие проторы, ни в разметы», которая когда-то имела вполне реальное значение. Выданная в 1424 г. грамота костромскому вотчиннику И. Кафты-

⁵⁵ Повесть о Луке Колочском // ПЛДР. Конец XV – первая половина XVI в. М., 1984. С. 53; Алексеев Ю.Г. Аграрная и социальная история. С. 45–46; Веселовский С.Б. Феодальное землевладение. С. 207–208; ДДГ. № 9. С. 27.

⁵⁶ ДДГ. № 57. С. 157, № 61. С. 199.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 23. С. 158. Жалованная грамота, в частности, была выдана братьям Л. и В.А. Ярославовым. Назаров В.Д. О включении Ярославского княжения в состав Российского Государства // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4. 4-е чтения памяти Л.В. Милова. М., 2015. С. 70–75.

⁵⁸ АСЭИ. Т. 3. № 101. С. 139, № 109. С. 109.

реву говорила о существовавшей практике выплаты дани: «А отсидят (крестьяне. – М. Б.) свои уроки, и ни потянут з боярскими сиротами к черным людям в дань мою по силе»⁵⁹.

Непривилегированные категории населения были лишены права боярского перехода. В их случае в силу вступало ограничение, зафиксированное в духовной грамоте Владимира Храброго: «А кто будет по дворским слуг, тех дети мои промежи себя не принимают, ни от сотников. А кто тех выйдет из уделов детей моих, и княгини моеи, ин земли лишен, а земли их сыну моему, чей будет удел». Существовали запреты, вероятно, также фискального характера, на прием на службу сурожан, суконников, «городских людей» и тех, «кто ходил с воеводами московскими». Особенности договорных грамот не дают возможности проследить состав последней категории. Сама формулировка отличалась расплывчатостью и могла дублировать предыдущие ограничения⁶⁰.

При существовавших запретах, которые явно не всегда исполнялись в полной мере, расширение княжеских дворов было возможно за счет притока новых лиц извне. Далеко не случайно многие дворянские роды выводили свое происхождение от различных «честных мужей», выехавших на службу в Северо-Восточную Русь. В основе этих легенд часто присутствовали достоверные факты. Ряды московского (и тверского) боярства пополнялись также за счет потомков княжеских родов, терявших свои княжества⁶¹.

Следствием замкнутости и ограниченности службы было сохранение роли территориальных ополчений. Часто они действовали отдельно от княжеской власти. В 1245 г. рати тверская и дмитровская отражали литовский набег. Аналогичная ситуация сложилась в 1284 г., когда «воеваша Литва Олешну... и совокупися на них Тверичи, Москвичи, Волочане, Новоторжцы, Дмитровцы, Зубчане, Ржевичи»⁶². В отражении набегов объединились ополчения из различных княжеств и земель Северо-Восточной Руси. После перехода под власть Москвы новых территорий местные ополчения сохранили свое значение. Нередко они выступали как своеобразные союзники московских князей. После удачного похода 1376 г. на «Болгары» побежденные вынуждены были заплатить князьям-союзникам Дмитрию Донскому и Дмитрию Нижегородскому по 1000 рублей, а сопровождавшим их «воеводам и ратем» – отдельно еще 3000 рублей⁶³.

Роль территориальных ополчений в военной организации XIV – начала XV в. прослеживается на примере волоцкой рати. В 1358 г. волоцкая и можайская рати отбили у литовцев город Ржев. В 1367 г. во время войны с Тверским княжеством «рать московская и волочане извоевали Тферский волости». Спустя несколько лет, в 1369/70 г. «москвичи и волочане воевали Смоленскую волость». В 1386 г. волоцкая рать участвовала в походе на Великий Новгород. Спустя год Дмитрий Донской отправил «волоцкую силу» для поддержки нижегородских князей. В 1400/01 г. волоцкая рать была послана на Торжок⁶⁴. Рати могли выступать и в качестве отдельных воинских соединений. В 1411 г. в походе Юрия Звенигородского к Нижнему Новгороду участвовали князья Андрей и Василий Владимировичи, «да князи ярославские, да князи ростовские, да Костромская сила». Муромская рать во главе с воеводой Семеной Жирославичем принимала участие в междоусобице рязанских князей в 1408 г.⁶⁵

⁵⁹ АСЭИ. Т. 3. № 101. С. 139, № 239. С. 260.

⁶⁰ ДДГ. № 17. С. 48, № 11. С. 42; Алексеев Ю.Г. У кормила... С. 26.

⁶¹ Бочков В.Н. «Легенды» о выезде дворянских родов // АЕ за 1969 г. М., 1971. С. 73–93; Веселовский С.Б. Исследования... С. 501–502; Кузьмин А.В. На пути в Москву... Т. 1. С. 59–157.

⁶² ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С. 230.

⁶³ ПСРЛ. Т. 11. С. 25.

⁶⁴ ПСРЛ. М., 1965. Т. 15. Ч. 1. С. 67, 84, 91; Чернов С.З. Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М., 1998. С. 165, 166, 305. В 1400/01 г. «наслал князь великий Василий бояр своих Александра Поля, Ивана Маринина и Ивана Толбузину, на Торжок войною, в 300 человек». Все они владели вотчинами в Волоке Ламском.

⁶⁵ ПСРЛ. Т. 15. Ч. 2. С. 487; Т. 11. С. 203, 204.

Армия московских князей конца XIV – начала XV в. состояла из совокупности ряда территориальных ополчений. Наиболее полное перечисление этих ратей сохранилось в описании похода Дмитрия Донского на Великий Новгород в 1386 г.: московская, коломенская, звенигородская, можайская, волоцкая, ржевская, серпуховская, боровская, дмитровская, переславская, владимирская, юрьевская, муромская, мешчерская, стародубская, суздальская, городецкая, нижегородская, костромская, углицкая, ростовская, ярославская, молодская, галицкая, бежецкая, белозерская, вологодская, устюжская и новоторжская. Часть из них возглавлялась князьями, другие – собирались из территорий, не имевших собственных князей. Этот список в значительной мере соответствовал будущему делению территориальных служилых корпораций в рамках объединенного государства⁶⁶.

Социальный состав ратей был разнообразен. В общем ряду не выделялись устюжская и вологодская рати, которые представляли земли, где феодальное землевладение было в указанный период слабо развито. Военное значение эти рати сохраняли и в следующем столетии. Устюжский летописный свод подробно повествует о военных кампаниях с участием устюжан. В 1462 г. они вместе с вологжанами и галичанами были посланы в поход на «черемису». В дальнейшем устюжане принимали участие в походах на Казань, Югорскую землю. Участвовали они в двинской кампании, а в 1489 г. сыграли важную роль в завоевании Вятки. Этими направлениями не ограничивалась их служба. В 1503 г. «князь великий послал рать устюжан, двинян стеретчи Иванягорода от немцев»⁶⁷. Некоторые примеры подтверждают предположение об участии в «ратях» других территорий широких слоев населения. В 1433 г. в наспех собранном войске Василия Темного, выступившем против Юрия Звенигородского, находились московские купцы. В казанском походе 1469 г. среди москвичей, «кои пригожи по их силе», были сурожане, суконники и купчие люди. Пешая рать сражалась в войсках Дмитрия Шемяки во время сражения под Галичем в 1450 г.: «А пешую рать мало не всю избиша». В 1442 г. в битве с царевичем Мустафой у Рязани участвовала «пешаа рать многа... с ослопы, и с топоры, и с рогатинами»⁶⁸. Последние случаи являются менее показательными. В защите городов участвовали все слои населения.

Присутствовали в составе «ратей» также бояре и слуги вольные, земли которых «тянули» к тому или иному городскому центру. Территориальный принцип «из старины» оговаривался в уставной грамоте митрополиту Киприану: «А кто будет бояр или слуг не служивал Алексею митрополиту, а приказался ново митрополиту, а те пойдут под моим воеводою великого князя, *где который живет ин под тем воеводой и есть*». Возможным отголоском того же правила являлся один из пунктов договора Дмитрия Донского и Владимира Храброго 1389 г.: «А коли ми (Дмитрию Донскому. – М. Б.) будет послать на рать своих воевод, а твоих бояр, хто имет жити в моем уделе, а тем поехать с моим воеводою, а моим потому же с твоим воеводою»⁶⁹.

Сохранение роли территориальных ополчений объясняло высокое значение должности тысяцкого. Тысяцкие стояли во главе децинарной системы (на более низших уровнях ее действующими лицами были сотники, пятидесяцкие и десяцкие), известной со времен Киевской Руси и охватывающей все сельское и городское податное население. Список подобных десятков хранился в архиве московских тысяцких Протасьевичей-Вельяминовых. Хорошо известны были связи тех же Вельяминовых с купцами. В.В. Вельяминову Дмитрий Донской приказал

⁶⁶ Котляров А.Н. Боярский «город» в XIV в. // Феодализм в России: Сб. тезисов. М., 1985. С. 85–86. По мнению этого исследователя, под властью московских князей находилось около пятнадцати боярских корпораций.

⁶⁷ ПСРЛ. Т. 37. С. 52.

⁶⁸ Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2009. С. 16, 66–68; ПСРЛ. Т. 12. С. 62.

⁶⁹ АСЭИ. Т. 3. № 6. С. 19; ДДГ. № 11. С. 32. В.А. Кучкин полагал, что положение договора 1389 г. было нововведением великокняжеской власти, направленной на контроль над службой бояр и слуг Дмитрова и Галича. Странно, однако, что конкретизация не была сделана в тексте самого договора (Кучкин В.А. Последний договор Дмитрия Донского // Средневековая Русь. Вып. 7. С. 308–309, 315).

«блюсти» купца Евсевку, переселявшегося из Торжка в Кострому. Позднее с И.В. Вельяминовым в Тверь бежал сурожанин Некомат⁷⁰.

В руках тысяцких сосредотачивались большие объемы военной и хозяйственно-административной власти. В отсутствие самих князей именно тысяцкие возглавляли все воинские силы и осуществляли административное управление делами того или иного княжества⁷¹. В договоре сыновей Ивана Калиты тысяцкий упоминался вслед за самими князьями: «А что ся учинит просторожа от мене, или от вас, или от моего тысяцкого... исправа ны учинити». В Москве должность тысяцких на протяжении нескольких поколений передавалась внутри семьи Вельяминовых. Вельяминовы значительно возвышались над остальными боярами московского княжества. В XIV в. они были связаны с правящей династией узами кровного родства. Василий Вельяминов считался «дядей» Семена Гордого. Его внук Микула был женат на свояченице Дмитрия Донского Марии, дочери Дмитрия Суздальского. В Тверском княжестве тысяцкими были представители Половых-Шетневых⁷².

Сосредоточение больших объемов власти в руках тысяцких вступало в противоречие с самодержавными устремлениями потомков Ивана Калиты. Сразу после смерти В.В. Вельяминова в 1375 г. эта должность была ликвидирована. Вместо тысяцких в более поздних договорах фигурировали воеводы московские. Прерогатива их назначения находилась в руках великих князей, которые настаивали на формулировке: «А Московская рать ходит с моим воеводою как и прежде сего»⁷³.

В других территориальных ополчениях, представлявших прежде независимые княжества, также существовали свои воеводы. Связь между воеводами и ратями прослеживается из летописного сообщения 1348 г. о походе на Смоленск: «Князь великий (Семен Гордый. – М. Б.) посла брата своего князя Ивана да князя Костянтина Ростовского да Ивана Акинфовича, а с ними воеводы и рати многи»⁷⁴.

В памятниках Куликовского цикла эти воеводы обозначались как «воеводы местные» («посла по все князи Руские, и по все воеводы местные», «вой 100 000 и сто опроче князей Руских и воевод местных»). Среди них были коломенский воевода Н.В. Вельяминов, владимирский и юрьевский – Т.В. Волуй, костромской – И.Р. Квашня, переславский – Андрей Серкизович. Существование «вое вод» подтверждается другими источниками. В грамотах конца XIV в. для их обозначения использовался термин «воеводы из городов». В договоре великого князя Василия Дмитриевича с Владимиром Храбрым предусматривалась возможность их использования в походах: «А коли ми (Владимиру Храброму. – М. Б.) послати своих воевод ис которых городов»⁷⁵.

Целостность территориальных ополчений нарушалась во время походов с участием московских князей. В этом случае бояре и слуги вольные вливались в состав их дворов и переставали подчиняться воеводам в соответствии с правилом: «А которые бояре твои живут в наших уделах, и в великом княженьи, а те бояре с тобою... А хто живет наших бояр в твоей очине и в уделе, а тым по тому же». Рати под началом воевод собирались в этом случае отдельно

⁷⁰ Кучкин В.А. Вельяминовы. С. 269–332; *Он же*. Документы кремлевской находки 1843 г. – часть архива XIV в. московских бояр Вельяминовых // Мат-лы конф. «Первые московские градоначальники и московское боярство: традиции и современность». М., 1998. С. 27–29.

⁷¹ Тысяцкий Роман Михайлович в отсутствие Александра Невского в 1252 г. во Владимире «тисящю предержашю и весь рядь». В житии митрополита Петра упоминается тысяцкий Протасий: «его же князь (Иван Калита. – М. Б.) старейшину града поставил, князь бо тогда не прилучися во граде» (Кучкин В.А. Вельяминовы. С. 283).

⁷² Веселовский С.Б. Исследования... С. 218; Kollmann N.S. The boyar clan... Р. 15–18; ДДГ. № 2. С. 13; РИИР. Вып. 2. С. 178.

⁷³ ДДГ. № 11. С. 42.

⁷⁴ ПСРЛ. Т. 10. С. 220.

⁷⁵ Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 28; ДДГ. № 13. С. 38.

от князей и их бояр. Именно так комплектовалось войско в 1407 г. при подготовке похода на Витовта⁷⁶.

На эти должности назначались представители московского боярства. Среди них были уже упомянутые воеводы Куликовской битвы. В 1375 г. воеводой в Костроме был А.Ф. Плещей. Коломенским воеводой в 1408 г. был И.С. Жеребцов⁷⁷. А.Ф. Плещей был одновременно костромским наместником и воеводой («воевода же бе у них той же и наместник»). Сближение наместников и воевод было не случайным. Постепенно именно наместники стали осуществлять руководство территориальными ополчениями. Вероятно, одним из последних городских воевод на великокняжеской службе был Можайский воевода И. Бортенев, упоминавшийся в одном из судебных дел конца XV в. Его назначение на этот пост можно связать с недавним присоединением Можайска, входившего прежде в удел Андрея Углицкого. В удельных княжествах такие воеводы сохранялись до начала XVI в. В одной из жалованных грамот Федора Волоцкого в 1500 г. упоминались воеводы ржевский (отдельно от ржевского наместника) и Осташковской слободы. В уделе Юрия Дмитровского действовал дворский и воевода (sic!) Б.Я. Тверитинов⁷⁸.

Показательна деградация в положении «воевод». Воевода Осташковской слободы мог распоряжаться всего несколькими десятками людей, явно не слишком высокого социального ранга. Как напоминание о прошлом в конце XV – начале XVI в. некоторые представители аристократии в посольских книгах гордо именовались воеводами: князь И.Ю. Патрикеев и князь В.Д. Холмский – воеводы московские («наивышший» воевода), Я.З. Кошкин – воевода коломенский, Г.Ф. Давыдов – ярославский⁷⁹.

Использование ресурсов территориальных ополчений возмещало малочисленность княжеских дворов и создавало предпосылки для широкого вовлечения их наиболее боеспособных элементов к службе на постоянной основе.

Подобная организация воинских сил имела серьезные недостатки. В составе территориальных ополчений находились бояре и слуги вольные, служившие разным князьям. Нарастание противоречий между ними неизбежно приводило к разрушению единства ополчений и невозможности использовать их как полноценные боевые единицы. Уже с конца XIV в. утвердился принцип экстерриториальности: «А кто которому князю служит, где бы ни жил, тому с тем князем и ехати, кому служит». В дальнейшем это требование неизменно повторялось во всех межкняжеских договорах. В наиболее полном виде оно было сформулировано в договоре Василия Темного с Василием Серпуховским: «А которые, господине, бояре и дети боярские служат тебе, великому князю, или твоей братье, а живут в моем уделе, и те, господине, ходят с тобою, с великим князем, и с вашими воеводами. А, которые, господине, бояре и дети боярские живут в твоей вотчине, в великом княжении и в твоей братии в вотчинах, а имут служить мне, князю Василью Ярославичу, и тем ходити со мной и с моими воеводами»⁸⁰. Даже во время «городной осады» бояре большие и путные должны были ехать на службу к своему князю.

Сами территориальные ополчения были не слишком эффективной формой организации. Их потенциал раскрывался полностью при отражении вражеских набегов. Достаточно сложно было привлекать их к дальним походам. Они отличались низким уровнем мобильности. Большие вопросы должны были возникать и к их боеспособности. Тактика войны «изгоном», полу-

⁷⁶ ДДГ. № 11. С. 32; ПСРЛ. Т. 11. С. 194.

⁷⁷ ПСРЛ. Т. 25. С. 191, 237; Веселовский С.Б. Исследования... С. 141–142, 247–248.

⁷⁸ АСЭИ. М., 1958. Т. 2. № 422. С. 461; *Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков* (далее – АФЗХ). Ч. 2. № 25. С. 30; *Записная книга крепостным актам XV–XVI веков, явленным дьяку Д. Алябьеву* (далее – Записная книга) // Русская историческая библиотека (далее – РИБ). СПб., 1898. Т. 17. Ст. 113–114.

⁷⁹ Сб. РИО. Т. 35. С. 36, 68, 71, 78, 336, 548. Инициатива их наименования исходила от литовской стороны.

⁸⁰ ДДГ. № 27. С. 70.

чившая распространение в XV в., требовала высокой оперативности действий специальных отрядов, преданных своему князю⁸¹.

Роль таких отрядов с 30-х гг. XV в. была возложена на княжеские дворы. По мере уменьшения значения татарской дани, дамокловым мечом нависавшей над русскими княжествами, и роли татарских войск в междоусобных столкновениях, их численность неуклонно возрастала. Двор Дмитрия Шемяки в 1433 г., владевшего Угличем и Ржевой, составлял 500 человек. Много позднее, в середине XVI в. средняя уездная корпорация детей боярских редко превышала 300–350 человек. Очевидно, что под стягом этого яростного противника Василия Темного объединились выходцы из разных территорий, в том числе за пределами отданных ему земель. Численность великокняжеского двора, несомненно, была значительно большей, включая в себя выходцев из различных уездов. В 1446 г. возвращающегося из татарского плена Василия Темного встречало «множество двора его от всех градов». В состав дворов кроме бояр и детей боярских входили также отряды служилых князей⁸². Включение служилых князей привело к формированию традиционной тройственной структуры двора: князья, бояре, дети боярские, которая неоднократно встречалась в жалованных грамотах с 30-х гг. XV в.

Княжеские дворы образовали самостоятельные военные единицы. Великокняжеский двор впервые выступил в этом качестве в 1433 г., когда Василий Темный отправил против мятежных сыновей Юрия Звенигородского «воеводу своего князя Юрия Патрикеевича, а с ним двор свои, многие люди». Можно согласиться с мнением Ю.Г. Алексеева, считавшего причиной выделения двора неудачные действия московской рати в битве на реке Клязьме. В этой битве, произошедшей за несколько месяцев до упомянутого похода, московское ополчение не сумело противостоять натиску войск звенигородского князя («а от москвич не бысть никоеа помощи»)⁸³.

Первый опыт использования двора (Государева двора) на военном поприще оказался на редкость неудачным. Посланный отряд был разбит братьями Василием Косым и Дмитрием Шемякой, а сам князь Юрий Патрикеевич попал в плен. Эта неудача не оказалась роковой. В 1443 г. великокняжеский двор был послан против царевича Мустафы, а в дальнейшем сыграл важнейшую роль в победе Василия Темного в Феодалной войне⁸⁴.

Сама Феодалная война в значительной степени была противостоянием великокняжеского и удельных дворов. Исследователи отмечают исключительную верность, проявленную ими в бурных событиях этой Смуты. Великокняжеский двор неоднократно выручал из беды Василия Темного. В 1433 г. после победы Юрия Звенигородского в выделенный ему коломенский удел стали стекаться «князи и бояре, и воеводы, и дети боярские, и дворяне, от мала и до велика». В 1446 г. после ослепления великого князя в Литву бежал Ф.В. Басенок, отказавшийся присягнуть Дмитрию Шемяке. К нему присоединились дети боярские «от двора великого князя». Вскоре после этого «многие дети боярские двора великого князя» организовали заговор «как бы князя великого вынати»⁸⁵. Впрочем, до конца сражались и дворы удельных князей. Двор захваченного Василием Темным Дмитрия Шемяки во главе с воеводой А. Волынским в полном составе присоединился к войскам Василия Косого и продолжил борьбу с вероломным великим князем. В 1461/1462 г. дети боярские Василия Серпуховского «и иные дворяне» пытались изгоном взять Углич и освободить своего господина⁸⁶.

⁸¹ Зимин А.А. Витязь на распутье: Феодалная война в России XV в. М., 1991. С. 204.

⁸² ПСРЛ. Т. 23. С. 149; Т. 25. С. 264; Назаров В.Д. Служилые князья. С. 196.

⁸³ Алексеев Ю.Г. У кормила... С. 53–54.

⁸⁴ Зимин А.А. Формирование... С. 21; Alef G. The origins of Moskovite Autocracy. Berlin, 1986. P. 224–226.

⁸⁵ ПСРЛ. Т. 23. С. 147, 152–153; Т. 25. С. 267; Зимин А.А. Витязь... С. 58, 112, 115, 121–122, 134, 149.

⁸⁶ ПСРЛ. Т. 23. С. 157; Кузьмин А.В. Происхождение участников заговора 1461–1462 годов с целью освобождения из заключения боровско-серпуховского князя Василия Ярославича // Русское Средневековье. С. 280–294.

Судьбы князей и находившихся у них на службе бояр и детей боярских оказались переплетены. При ужесточении взаимной борьбы поражение одного из князей влекло за собой исчезновение его двора. Это могло означать потерю привилегированного статуса для находящихся у него на службе людей. Возвышение и победа над своими соперниками, наоборот, приводили к земельным раздачам и пожалованиям. Крупные вотчины получили от Василия Темного и его матери Софьи Витовтовны сподвижники великого князя князь С.И. Оболенский, Ф.М. Челядня и Ф.В. Басенок⁸⁷.

Со временем была упорядочена и организация территориальных ополчений. Новыми действующими лицами в ней стали дети боярские. Под этим именем начинают фигурировать связанные со службой землевладельцы, в том числе не входившие в состав княжеских дворов. Разделение отчетливо проявилось в описании похода судовой рати на Казань 1469 г.: «Послал князь велики на Казанские места рать в судех... многие дети боярские двор свои, также и от всеа земли своя дети боярские изо всех градов своих». Подобное противопоставление прослеживается и в формулярах жалованных грамот. В грамоте, выданной в конце XV в. митрополitchим владениям, упоминались князья, бояре, дети боярские и другие «ратные люди» – «галичане» и «костромичи»⁸⁸. Служба постепенно приобретала обязательный характер и не ограничивалась участием в локальных походах. Многие из вовлеченных в нее лиц не получили при этом привычных для бояр и слуг вольных удельного времени привилегий. Проблема вознаграждения, как часть организации служебной системы, будет решаться уже в последующие десятилетия, в реалиях единого государства.

Служба детей боярских (городовых детей боярских) основывалась на отработанных территориальных принципах. В казанском походе 1469 г., как и за столетие до того, упоминались москвичи («кои пригож по их силе»), коломенцы, муромцы, владимирцы, суздальцы, дмитровцы, можайцы, угличане, ярославцы, ростовцы, костромичи⁸⁹. Деление служилых людей на дворовых, входивших в состав великокняжеского или удельных дворов, и на городских детей боярских стало основой для формирования военной структуры второй половины XV – середины XVI в.

Подводя определенные итоги, стоит согласиться с мнением Н. Коллманн о том, что боярство удельного времени с точки зрения складывания феодальных отношений классического образца не оправдало возлагаемых на него надежд (*an aristocracy manquée*). Немногочисленность этой группы, ее высокая зависимость от княжеской власти, неразвитость традиций феодального землевладения не создавали прочных предпосылок для легитимизации привилегированного статуса⁹⁰. За несколько столетий организация службы не слишком далеко ушла от шаблонов традиционной дружины, основанных на личных взаимоотношениях бояр и слуг вольных (детей боярских) со своими князьями. Ставка на княжеские дворы обозначала своеобразный «бег по кругу». При неблагоприятных условиях даннической зависимости их состав был законсервирован, а затем, по мере ее уменьшения, подвергся количественному росту. Невнимание к проблемам организации службы в более широких масштабах приводило к своеобразному вакууму: территориальные ополчения не подходили для решения масштабных задач, а выделившиеся из их состава городские дети боярские представляли собой довольно рыхлую и неоформившуюся массу, в которой присутствовали различные по своему происхождению и возможному военному потенциалу социальные элементы. В последнем случае требовалось приложить немало усилий для их объединения и формирования на их основе боеспособ-

⁸⁷ ДДГ. № 58. С. 180, № 61. С. 199. Ф.М. Челядня и князь С.И. Оболенский получили земли, конфискованные у изменника Н.К. Добрынского.

⁸⁸ ПСРЛ. Т. 25. С. 281; АФЗХ. М., 1951. Ч. 1. № 6. С. 26.

⁸⁹ Алексеев Ю.Г. Походы русской армии. С. 66–67.

⁹⁰ Kollmann N.S. The boyar clan... P. 5.

собных воинских подразделений, способных воплощать далеко идущие планы центрального правительства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.